

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

РЕВИЗОР

Николай Васильевич Гоголь

Ревизор

Серия «Классика для школьников»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24780497

*Ревизор: [комедия в пяти действиях] / Н. В. Гоголь: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-103811-3*

Аннотация

Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» была написана в 1836 году. Основной сюжет рассказан Гоголю А. С. Пушкиным. Сам Гоголь так отзывался о своей работе: «В «Ревизоре» я решил собрать в одну кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем». Уездный безымянный городок, изображённый в комедии, благодаря мастерству писателя становится обобщением всей России. Фразы из комедии стали крылатыми, а имена героев нарицательными в русском языке.

Содержание

Действующие лица	5
Характеры и костюмы	7
Действие первое	10
Явление I	11
Явление II	19
Явление III	22
Явление IV	28
Явление V	30
Явление VI	33
Действие второе	35
Явление I	36
Явление II	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Николай
Васильевич Гоголь
Ревизор
Комедия в пяти действиях**

*На зеркало неча пенять, коли рожа крива.
Народная пословица*

Действующие лица

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.

Жена его.

Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемиий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.

Пётр Иванович Добчинский, Пётр Иванович Бобчинский, городские помещики.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Фёдор Андреевич Люлюков, Иван Лазаревич Растаковский, Степан Иванович Коробкин, отставные чиновники, почётные люди в городе.

Степан Ильич Уховёртов, частный пристав.

Свистунов, Пуговицын, Держиморда, полицейские.

Абдулин, купец.

Февронья Петровна Пошлёткина, слесарша.

Жена унтер-офицера.

Мишка, слуга городничего.

Слуга трактирный.

Гости и гостьи, купцы, мещане, просители.

Характеры и костюмы

Замечания для господ актёров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведёт себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонёр; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жёстки, как у всякого, начавшего тяжёлую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своём мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нём стриженные, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, ещё не совсем пожилых лет, воспитанная вполовину на романах и альбомах, вполовину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что тот не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трёх, тонень-

кий, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьёзно, смотрит несколько вниз, резонёр и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьёзнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему даёт вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своём

значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом – как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всём том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся пред глазами.

Господа актёры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесённое слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Действие первое

Комната в доме городничего.

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Фёдорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга инкогнито. И ещё с секретным предписанием.

Аммос Фёдорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! ещё и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: чёрные, неестественной величины! пришли, понюхали – и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*) ...и уведомить тебя». А! вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чи-

новник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывёт в руки...» (*остановясь*), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живёт где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и всё играет на скрипке...» – и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Фёдорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздыхнув.*) До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Фёдорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Ещё умный человек! В

уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Фёдорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредомил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения – и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это ещё ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, – всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдёшь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчёт врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, – лекарств дорогих мы не употребляем. Человек про-

стой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издаёт звук, отчасти похожий на букву и и несколько на е.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Фёдорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но всё как-то позабывал.

Аммос Фёдорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечён. Есть против этого средства, если

уж это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издаёт тот же звук.

Аммос Фёдорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдаёт немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчёт же внутреннего распорядка и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерьянцы напрасно против этого говорят.

Аммос Фёдорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам – рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим – всё взятки.

Аммос Фёдорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берёте взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете; вы в церковь ни-

когда не ходите; а я, по крайней мере, в вере твёрд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнёте говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Фёдорович. Да ведь сам собою дошёл, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчёт учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с учёным званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнёт рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно ещё ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, – это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счёт. Из этого чёрт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж

несколько раз ему говорил. Вот ещё на днях, когда зашёл было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда ещё не видывал. Он-то её сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учёная голова – это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах – ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хватить стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек – или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи бог служить по учёной части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы ещё ничего, – инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчик! А кто, скажет,

здесь судья?» – «Ляпкин-Тяпкин». – «А подать сюда Ляпки-на-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» – «Земляника». – «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

Явление II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Фёдорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это всё француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришёлся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю (*берёт его под руку и отводит в сторону*), я даже думаю, не бы-

ло ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нём какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтёшь – так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в «Московских ведомостях»!

Городничий. Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем: есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течёт, говорит, в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...» – с большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость,

Иван Кузьмич: если на случай попадётся жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Фёдорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Фёдорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шёл было к вам, Антон Антонович, с тем чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждёшь, что вот отворится дверь и – шашть...

Явление III

Те же, Бобчинский и Добчинский, оба входят запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что, что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский (перебивая). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Добчинский (перебивая). Э, позвольте, Пётр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте, уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы собьётесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Пётр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Пётр Иванович, вот вам стул.

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте: я всё по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, — так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Пётр Иванович! Я уж всё, всё, всё знаю-с. Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашёл вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский (перебивая). Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Пётр Иванович уж услышали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю, за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинский (перебивая). За бочонком для французской водки.

Бобчинский (отводя его руки). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Пётр Иванович... энтото... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на до-

роге Пётр Иванович говорит: «Зайдём, – говорит, – в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» – да-с, в желудке-то у Петра Ивановича... «А в трактир, – говорит, – привезли теперь свежей сёмги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский (перебивая). Недурной наружности, в партикулярном платье.

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит этак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Пётр-то Иванович уж мигнул пальцем и подозвал трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Пётр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» – а Влас и отвечает на это: «Это», – говорит... Э, не перебивайте, Пётр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу не расскажете: вы пришепётываете, у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, – да-с, – едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живёт, из трактира не едет,

забирает всё на счёт и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило. «Э!» – говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Пётр Иванович, это я сказал: «Э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! – сказали мы с Петром Ивановичем. – А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить notiцию, – ревизор.

Городничий (в страхе). Что вы, господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу он... Такой наблюдательный: всё обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели сёмгу, – больше потому, что Пётр Иванович насчёт своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живёт?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Егип-

тянина.

Городничий. Две недели! (*В сторону.*) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношение! (*Хватается за голову.*)

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

Аммос Фёдорович. Нет, нет! Вперёд пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, ещё даже и спасибо получал. Авось бог вынесет и теперь. (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трёх или четырёх с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхает. Беда, если старый чёрт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, для прогулки, надеяться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Сви-стунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как мож-

но поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впоныхах.

Артемиий Филиппович. Идём, идём, Аммос Фёдорович! В самом деле может случиться беда.

Аммос Фёдорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артемиий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несёт такая капуста, что береги только нос.

Аммос Фёдорович. А я на этот счёт покоен. В самом деле, кто зайдёт в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку – а! только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда.

Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся кварталным.

Явление IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский и квартальный.

Городничий. Что, дрожки там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой! Ступай принеси... Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблён.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (хватаясь за голову). Ах, боже мой, боже мой! Ступай скорее на улицу, или нет – беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Пётр Иванович, поедем!

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович!

Городничий. Нет, нет, Пётр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожках не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щёлочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поступки...

Городничий (принимая шпагу, к квартирному). Беги сейчас возьми десятских, да пусть каждый из них возьмёт... Эх шпага как исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулин – видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмёт в руки по улице... чёрт возьми, по улице – по метле! и вымели бы всю улицу, что идёт к трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься да крадёшь в ботфорты серебряные ложечки, – смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым – а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берёшь! Ступай!

Явление V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите, ради бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки,

тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город! только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор – чёрт их знает откудова и нанесут всякой дряни! (*Вздыхает.*) Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли? – чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен. (*Берёт вместо шляпы футляр.*) Дай только, боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой ещё никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О боже мой, боже мой! Едем, Пётр Иванович! (*Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.*)

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий (бросая коробку). Коробка так коробка. Чёрт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами – и правому и виноватому. Едем, едем, Пётр

Иванович! (*Уходит и возвращается.*) Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарница наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

Явление VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, боже мой!.. (*Отворяя дверь.*) Муж! Антоша! Антон! (*Говорит скоро.*) А всё ты, а всё за тобой. И пошла копать: «Я булавочку, я косынку». (*Подбегает к окну и кричит.*) Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после, матушка!

Анна Андреевна. После? Вот новости – после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? (*С пренебрежением.*) Уехал! Я тебе вспомню это! А всё эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А всё проклятое кокетство; услышала, что почтмейстер здесь, и давай пред зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдёт. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернёшься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? Всё равно через два часа мы всё узнаем.

Анна Андреевна. Через два часа! покорнейше благодарю! Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что через месяц ещё лучше можно узнать! (*Свешивается в окно.*) Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там при-

ехал кто-то?... Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты всё бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, всё женихи сидят. А? Скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побегии расспроси, куда поехали; да расспроси хорошенько: что за приезжий, – каков он, – слышишь? Подсмотри в щёлку и узнай всё, и глаза какие: чёрные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь? Скорее, скорее, скорее, скорее! *(Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих, стоящих у окна.)*

Действие второе

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щётка и прочее.

Явление I

Осип лежит на барской постеле.

Чёрт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошёл, как уже из Питера! Профинтил дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячит-ся. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки – вот тебе и доигрался! Эх, надое-ла такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет пуб-личности, да и заботности меньше; возьмёшь себе бабу, да и лежи весь век на полатах да ешь пироги. Ну, кто ж спорит: конечно, если пойдёт на правду, так житьё в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеястры, собаки тебе танцуют, и всё что хочешь. Разговарива-ет все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдёшь на Щукин – купцы тебе кричат: «Почтён-ный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании

захотел – ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони всё видишь. Старуха офицерша забредёт; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясёт головою.*) Галантерейное, чёрт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь, всякой тебе говорит «вы». Наскучило идти – берёшь извозчика и сидишь себе как барин, а не хочешь заплатить ему – изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнёшь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А всё он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлёт денежки, чем бы их попридержать – и куды!.. пошёл кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю, глядь – и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней рубашки спустит, так что на нём всего останется сертучишка да шинелишка... Ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублёв полтораستا ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего – нипочём идут. А отчего? – оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идёт гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почёсывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что

не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идёт. *(Поспешно схватывается с постели.)*

Явление II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. *(Отдаёт фуражку и тросточку.)* А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врёшь, валялся; видишь, вся склочена.

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков (ходит по комнате). Посмотри, там в картузе табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвёртого дня последнее выкурили.

Хлестаков (ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом). Послушай... эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков (громким, но не столь решительным голосом). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так; всё равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.